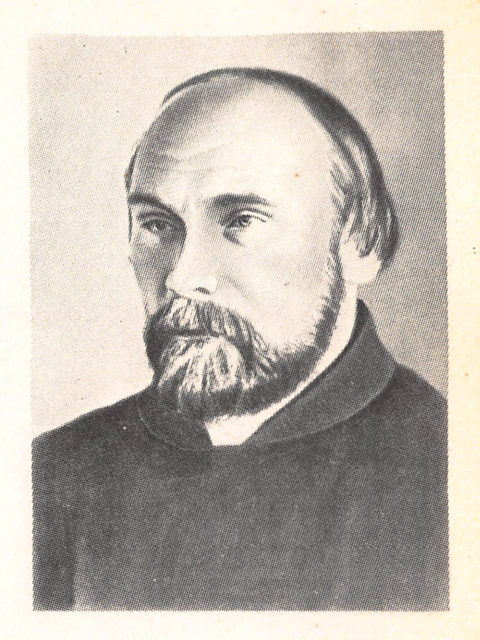
БИБЛИОТЕКА

ISSN 0132-2095

№ 22 1988

Николай **КЛЮЕВ**

ЗАВЕЩАНИЕ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Николай КЛЮЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ

Николай Алексеевич Клюев (1884—1937) родился в деревне Коштуги (ныне Вытегорского района Вологодской области). Его мать Прасковья Дмитриевна была талантливой сказительницей и плачеёй, — по словам самого Клюева, «тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери». Она хорошо знала множество религиозных апокрифов, бытовавших на Русском Севере в среде раскольников-староверов. Позднее Клюев писал, что благодаря матери эта отреченная древнерусская литература «осолила» его «до костей, до преисподних глубин» его «духа и песни».

В ранней молодости поэт принимал деятельное участие в революционном движении; в 1906 году по соответствующему обвинению он отбыл шестимесячное тюремное заключение, а затем несколько лет находился под негласным надзором полиции. Впервые стихи Клюева были напечатаны в 1904 году. В 1907 году начинается его переписка с Александром Блоком. Этот эпистолярный диалог длился около шести лет. Он сыграл немалую роль и в жизни, и в творчестве его участников, о чем наглядно свидетельствуют сохранившиеся письма Клюева к Блоку, ныне опубликованные в 4-й книге 92-го тома «Литературного наследства» (1987). «Александру Блоку — Нечаянной Радости» посвятил Клюев свой первый стихотворный сборник «Сосен перезвон» (1911, 2-е издание — 1913), предисловие к которому написал В. Брюсов. Эта книга и вышедшие вслед за ней «Братские песни» (1912), «Лесные были» (1913), «Мирские думы» (1916) вызвали значительный интерес у читателей и литературной общественности и сделали имя поэта всероссийски известным.

К середине 1910-х годов в русской литературе сложилось самостоятельное направление, получившее название «новокрестьянская поэзия» (Николай Клюев, Сергей Есенин, Сергей Клычков, Александр Ширяевец, Пимен Карпов и др.). Клюев по праву считался основателем этого направления. Особую главу в его творческой биографии составили взаимоотношения с младшим собратом по поэзии — Сергеем Есениным. Поэты познакомились в 1915 году, и вплоть до самого ухода Есенина из жизни не прерывались их напряженно-драматические личные и творческие связи. Стихи, поэмы и письма Клюева, обращенные к Есенину, по существу, представляют собой единую лирическую повесть, завершившуюся по есенинской гибели «Плачем о Сергее Есенине».

В эпоху двух революций 1917 года Клюев вступил уже зрелым мастером самобытного поэтического слова, органически связанного с глубинными пластами древней культуры русского народа. В революции он увидел сбывающиеся многовековые народные чаяния. Посвященные ей стихи поэта регулярно публикуются в периодике, включаются в сборники «Медный Кит» (1918), «Песнослов» (1919), «Львиный хлеб» (1922). Одним из первых в советской литературе он создает в 1918 году цикл из десяти стихотворений «Ленин», вошедший затем (вместе с другими послереволюционными произведениями) в состав одноименной книги (три издания в 1923—1924 годах). Тогда же Клюев пишет целый ряд сочинений, в том числе выпущенные отдельными книжками поэмы — «Мать Суббота» (1922) и «Четвертый Рим» (1922), проблематика которых так или иначе была связана с традициями литературы Древней Руси. О своих стихах этого периода поэт говорил так: «Я отдал свои искреннейшие песни революции (конечно, не поступясь своеобразием красок и языка, чтобы не дать врагу повода для обвинения меня в неприкрытом холопстве)».

К сожалению, в современной Клюеву литературной критике возобладала крайне односторонняя примитивно-социологическая трактовка его творчества. В 1922 году он — с «легкостью необычайной» — был объявлен «крепким литературным хозяином», путь которого «лежит от революции». Данный тезис к середине 1920-х годов становится общим местом, когда в печати заходит речь о Клюеве, — и это несмотря на обнародование в 1925—1927 годах таких новых его произведений, проникнутых пафосом революционных свершений, как «Богатырка», «Ленинград», «Корабельщики»... Затем в ход пошли более жесткие формулировки. В 1927 году были опубликованы поэмы Клюева «Деревня» и «Плач о Сергее Есенине», полные трагических предощущений гибели того кровно близкого поэту уклада деревенской жизни, который был почвой его самобытного дара. В «Литературной энциклопедии» (1931) эти поэмы были (столь же безапелляционно, сколько и бездоказательно) квалифицированы как «декларации озверелого кулака», а их автор удостоился облыжного ярлыка — «отец современной кулацкой литературы».

Последняя книга Клюева, увидевшая свет при его жизни («Изба и поле»), вышла в 1928 году. И хотя его произведения с тех пор практически перестали печатать, творческая энергия поэта не иссякала. Он пишет немало лирических стихотворений и создает свои вершинные лиро-эпические полотна — поэмы «Погорельщина» и «Песнь о Великой Матери».

Откликаясь на их недавнюю публикацию в отечественной печати, И. Роднянская так характеризует Клюева в статье «Возвращенные поэты» («Литературное обозрение», 1987, № 10): «Погорельщиной» (и «Песнью о Великой Матери», если судить об этой, пока еще полностью не найденной поэме по ее началу, опубликованному в № 9 журнала «Север» за 1986 год) он как русский эпик достигает неожиданной даже для него силы — и заново рождается на наших глазах своим подлинным рождением. В новом Клюеве поражает зрелость дара и пророческая зрелость самосознания. Он неложно знает, что́ ему предстоит и во чье имя. Он видит себя наследником и к тому же последним хранителем «культуры, порожденной тягой к небу». Это крестьянско-поморская, озерно-лесная, сказоч-

но-песенная, религиозно-мифологическая культура его родной Олонии, но это и сбереженная в ее дебрях древнерусская культура в целом, с преемством у эллинов («заветы Александрии, Корсуни, Киева, Новгорода»), и всемирная культура в вершинных своих явлениях».

Справедливость этих слов трудно переоценить. Но при жизни Клюева его сочинения конца 20-х — начала 30-х годов чаще всёго получали намеренно тенденциозное негативное освещение... Вынуждаемый нелегкими бытовыми обстоятельствами, поэт иногда читал их на званых обедах и вечерах в кругах ленинградской и московской интеллигенции. В конце концов эти (говоря клюевскими словами) «скитания по чужим обедам» послужили поводом для ложного обвинения его в «кулацкой агитации» — и в 1934 году поэт был выслан в Нарымский край.

Вскоре благодаря хлопотам друзей и знакомых Клюева (среди принявших активное участие в этом были А. М. Горький и Н. А. Обухова) он был переведен на жительство в Томск. Там Клюев находился в положении административно ссыльного с октября 1934 года по лето 1937 года. Несмотря на то, что материальная и бытовая стороны его жизни в Томске были крайне тяжелыми, он продолжал писать стихи и поэмы. Почти все эти произведения (кроме одного стихотворения — «Есть две страны; одна — Больница...») до сих пор не обнаружены. Последний арест поэта состоялся (по косвенным данным) не позднее июля 1937 года; по свидетельствам современников, он умер в тюрьме.

Ныне творчество Клюева раскрывается перед нами во всей возможной полноте и многообразии, — здесь и стихи, и проза, и эпистолярное наследие... Самобытный, многоцветный, глубинный (или, как говаривал сам поэт, «пододонный») клюевский стих живет и будет жить как неотъемлемая часть великой поэзии нашего народа.

Сергей СУББОТИН

* * *

«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».

Эту песню певал
Мой страдалец-отец
И по смерть завещал
Допевать мне конец.

Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.

Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
А свободным орлом
Допою я ее.

<1905>

ПУСТЬ Я В ЛАПТЯХ

Пусть я в лаптях, в сермяге серой,
В рубахе грубой, пестрядной,
Но я живу с глубокой верой
В иную жизнь, в удел иной!

Века насилья и невзгоды,
Всевластье злобных палачей
Желанье пылкое свободы
Не умертвят в груди моей!

Наперекор закону века,
Что к свету путь загородил,
Себя считать за человека
Я не забыл! Я не забыл!

<1905>

* * *

Прошли те времена, когда нелицемерно
Мы верили с тобой в божественность небес,
На звездную лазурь взирая суеверно
В предчувствии святых несбыточных чудес.
Без чуда небеса, поблекнув, отсияли,
Души не озарил полночный звездопад,
Украшенный чертог безумно мы искали,
А обрели тюрьму и мрачный каземат.
Безвинною четой, подвергнуты изгнанью,
В краю, где гаснет жизнь в пустынной тишине,
Не верим больше мы обманному сиянью
Созвездий золотых, горящих в вышине.
Сосновый дымный сруб, занесенный метелью,
Для нас стал алтарем таинственно-святым,
Где зажигает сны над снежною постелью,
Как звезды в небесах, незримый херувим.

<1908>

ПЛОВЕЦ

Нужны цари из Истинного Града,
Умеющие Башню различать.

Данте*

Посвящается А. Блоку

В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидящего славил.
Рукою благостной Господь
Развеял сумрак непогодный

* Из «Божественной комедии» (пер. О. Чюминой).— *Сост.*

И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниевиден стал мой лик
И ясновидящ взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли, пловцу обетованной...

Но сон угас, как зори мая,
Надводным холодом дыша,
И с той поры о дивном крае
Томится падшая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,
И в ледяном мерцаньи пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далече,
За гранью стынущей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари.

<1908>

ЗАВЕЩАНИЕ

В час зловещий, в час могильный,
Об одном тебя молю:
Не смотри с тоской бессильной
На восходную зарю.

Но, верна словам завета,
Слезы робости утри
И на проблески рассвета
Торжествующе смотри.

Не забудь за далью мрачной,
Средь волнующих забот,
Что взошел я новобрачно
По заре на эшафот;

Что, осилив злое горе,
Ложью жизни не дыша,
В заревое пала море
Огнекрылая душа.

1908

ОСИНУШКА

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду:
Горькая осинушка
Ронит лист-руду.

Полымем разубрана,
Вся красным-красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может, червоточина
Гложет сердце ей,
Черная проточина
Въелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо.
От судины-осени
Вянет деревцо.

Ой, заря-осинушка,
Златоцветный лёт,
У тебя детинушка
Разума займет!

Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы — листья зарные
Пó ветру пустить.

<1908, 1912>

* * *

Ты все келейнее и строже,
Непостижимее на взгляд...
О, кто же, милостивый Боже,
В твоей печали виноват?

И косы пепельные глаже,
Чем раньше, стягиваешь ты,
Глухая мать сидит за пряжей —
На поминальные холсты.

Она нездешнее постигла,
Как ты, молитвенно строга...
Блуждают солнечные иглы
По колесу от очага.

Зимы предчувствием объяты
Рыдают сосны на бору;
Опять глухие казематы
Тебе приснятся ввечеру.

Лишь станут сумерки синее,
Туман окутает реку,—
Отец, с веревкою на шее,
Придет и сядет к камельку.

Жених с простреленною грудью,
Сестра, погибшая в бою,—
Все по вечернему безлюдью
Сойдутся в хижину твою.

А Смерть останется за дверью,
Как ночь, загадочно темна.
И до рассвета суеверью
Ты будешь слепо предана.

И не поверишь яви зрячей,
Когда торжественно в ночи
Тебе — за боль, за подвиг плача —
Вручатся вечности ключи.

<1908, 1911>

* * *

Я надену черную рубаху
И вослед за мутным фонарем
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо-ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеную прялку,
Синий вечер, дрёму паутин,
За окном ночующую галку,
На окне любимый бальзамин,

Луговин поёмные просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужные узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клинышком сошлась —
Не вовре́мя косынька
На две расплелась!

Развилась по спинушке,
Как льняная плеть, —
Не тебе, детинушке,
Девушкой владеть!

Деревца вилавого
С маху не срубить —
Парня разудалого
Силой не любить!

Белая березонька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою!..

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, кромешный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

<1908, 1917>

* * *

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,

Неисследный и пустынный —
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградою высокой
Из гранитных серых плит
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно-страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесет.

Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
«Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне».

<1908, 1911>

* * *

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,

На меду-вине развоженные,
На бело лицо положенные,

Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,

Чтоб пригоже меня, краше не было́,
Супротивницам-подруженькам назло.

Уж я выйду на широкую гульбу —
Про свою людя́м поведаю судьбу:

«Вы не зарьтесь на жар-полымя румян,
Не глядите на парчовый сарафан.

Скоро девушку в полон заполонит
Во пустыне тихозвонный, белый скит».

Скатной ягоде не скрыться при пути —
От любови девке сердца не спасти.

<1909>

СЛОБОДСКАЯ

Как во нашей ли деревне —
В развеселой слободе,
Был детина, как малина,
Тонкоплеч и чернобров;

Он головушкой покорен,
Сердцем-полымем ретив,
Дозволенья ожениться
У родителя просил.

На кручинное моленье
Не ответствовал отец,—
Тем на утреннем пролете
Сиза голубя сгубил:

У студеного поморья,
На пустынном берегу,
Сын под елью в темной келье
Поселился навсегда.

Ино́гда из кельи строгой
На уклон выходит он
Поглядеть, как стелет море
По набе́режью туман,

Как плывут над морем тучи,
Волны буйные шумят,
О любови, о кручине,
О разлуке говорят.

<1909>

* * *

Есть то, чего не видел глаз,
Не уловляло вечно ухо:
Цветы лучистей, чем алмаз,
И дали, призрачнее пуха.

Недостижимо смерти дно,
И реки жизни быстротечны,—
Но есть волшебное вино
Продлить чарующее вечно.

Его испив, немеркнущ я,
В полете времени безлетен,
Как моря вал — из бытия
Умчусь певуч и многоцветен.

И всем, кого томит тоска,
Любовь и бренные обеты,
Зажгу с высот Материка
Путеводительные светы.

Май 1910

ГОЛОС ИЗ НАРОДА

Вы — отгул глухой, гремучей,
Обессилевшей волны,
Мы — предутренние тучи,
Зори росные весны.

Ваши помыслы — ненастье,
Дрожь и тени вечеров,
Наши — мерное согласье
Тяжких времени шагов.

Прозревается лишь в книге
Вами мудрости конец,—
В каждом облике и миге
Наш взыскующий Отец.

Ласка Матери-природы
Вас забвеньем не дарит,—
Чародейны наши воды
И огонь многоочит.

За слиянье нет поруки,
Перевал скалист и крут,
Но бесплодно ваши стуки
В лабиринте не замрут.

Мы, как рек подземных струи,
К вам незримо притечем
И в безбрежном поцелуе
Души братские сольем.

<1910>

* * *

Я был прекрасен и крылат
В богоотеческом жилище,
И райских кринов аромат
Мне был усладою и пищей.

Блаженной родины лишен
И человеком ставший ныне,
Люблю я сосен перезвон,
Молитвословящий пустыне.

Лишь одного недостает
Душе в подветренной юдоли,—
Чтоб нив просторы, лоно вод
Не оглашались стоном боли,

Чтоб не стремил на брата брат
Враждою вспыхнувшие взгляды,
И ширь полей, как вертоград,
Цвела для мира и отрады,

И чтоб похитить человек
Венец Создателя не тщился,
За что, отверженный навек,
Я песнокрылия лишился.

<1910, 1918>

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвой шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцание звезд за решеткой,

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые, бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

<1910, 1917>

* * *

Вы, деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею.

Аль осыпалось красное вишенье,
Виноградье мое приувянуло,
Али дубы матерые, вечные
Буреломом, как зверем, обглоданы.

Аль иссякла криница сердечная,
Али веры ограда разрушилась,
Али сам я — садовник испытанный —
Не возмог прикормить вас молитвою.

Проворкуйте, всевышние голуби,
И прожубруйте, дольние зяблики,
Что без вас с моим вишеньем станется:
Воронью оно в пищу достанется.

По отлете ж последнего голубя
Постучится в калитку дырявую
Дровосек с топорами да пилами,
В зипунище, в лаптищах с оборами.

Час за часом, как поздние зяблики,
Отлетает в пространство глубинное...
Чу! Как няни сверчковая песенка,
Прозвенело крыло голубиное.

1910-е годы

ПАХАРЬ

Вы на себя плетете петли
И навостряете мечи.
Ищу вотще: меж вами нет ли
Рассвета алчущих в ночи?

На мне убогая сермяга,
Худая обувь на ногах,
Но сколько радости и блага
Сквозит в поруганных чертах.

В мой хлеб мешаете вы пепел,
Отраву горькую в вино,
Но я, как небо, мудро-светел,
И неразгадан, как оно.

Вы обошли моря и сушу,
К созвездьям взвили корабли,
И лишь меня — мирскую душу,
Как жалкий сор, пренебрегли.

Работник Господа свободный
На ниве жизни и труда,
Могу ль я вас, как терн негодный,
Не вырвать с корнем навсегда?

<1911>

* * *

Весна отсияла... Как сладостно больно,
Душой отрезвяся, любовь схоронить.
Ковыльное поле дремуче-раздольно,
И рдяна заката огнистая нить.

И серые избы с часовней убогой,
Понурые ели, бурьяны и льны
Суровым безвестьем, печалию строгой —
«Навеки», «Прощаю» — как сердце, полны.

О матерь-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померить с врагами
Иль робкой былинкой кивать при пути?

Былинка поблекнет, и удаль обманет,
Умчится, как буря, надежды губя,—
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.

Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохладою веять
И в окна стучаться дозорным крылом.

<1911>

* * *

Я обещаю вам сады...

К. Бальмонт

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: «Далеких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем».

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли,—
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы,—
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.

<1911>

* * *

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горним, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори — не ласка твоя,
И лучи — не твои поцелуи?

<1912>

* * *

Я пришел к тебе, сыр-дремучий бор,
Из-за быстрых рек, из-за дальних гор,
Чтоб у ног твоих, витязь-схимнище,
Подышать лесной древней силищей!

Ты прости, отец, сына нищего,
Песню-золото расточившего,
Не кудрявичем под гуслярный звон
В зелен терем твой постучался он!

Богатырь душой, певник розмыслом,
Раздружился я с древним обликом,
Променял парчу на сермяжину,
Кудри-вихори на плешь-лысину.

Поклонюсь тебе, государь, душой —
Укажи тропу в зелен терем свой!
Там, двенадцать в ряд, братовья сидят —
Самоцветней зорь боевой наряд...

Расскажу я им, баснослов-баян,
Что в родных степях поредел туман,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный люд на завалинах
Словно вешний цвет на прогалинах...

Ах, не в руку сон! Седовласый бор
Чуда-терема сторожит затвор:
На седых щеках слезовая смоль,
Меж бровей-трущоб вещей думы боль.

<1912>

ПЕСНЯ ПРО СУДЬБУ

Из-за леса — лесу темного,
Из-за садика зеленого.

Не ясен сокол вылетывал,—
Добрый молодец выезживал.

По одёже он купецкий сын,
По обличью парень-пахотник.

Он подъехал во чистом поле
Ко ракитовому кустику,

С корня сламывал три прутика,
Повыстругивал три жеребья.

Он слезал с коня пеганого,
Становился на прогалине,
Черной земи низко кланяясь:

«Ты ответствуй, мать сыра земля,
С волчняком-травой, с дубровою,

Мне какой, заочно суженый,
Изо трех повыбрать жеребий?

Первый жребий — быть лапо́тником,
Тихомудрым, черным пахарем,

Средний — духом ожелезиться,
Стать фабричным горемыкою,

Третий — рай высокий, мысленный,
Добру молодцу дарующий,

Там река течет животная,
Веют воздухи безбольные,

Младость резвая не старится,
Не седеют кудри-вихори».

<1912>

* * *

Недозрелую калинушку
Не ломают и не рвут,—
Недорощена детинушку
Во солдаты не берут.

Придорожну скатну ягоду
Топчут конник, пешеход,—
По двадцатой красной осени
Парня гонят во поход.

Раскудрявьтесь, кудри-вихори,
Брови — черные стрижи,
Ты, размыкушка-гармоника,
Про судину расскажи:

Во незнаемой сторонушке
Красовита ли гульба?
По страде свежит ли проходоль,
В стужу греет ли изба?

Есть ли улица расхожая,
Девка-зорька, маков цвет,
Али ночка непогожая
Ко сударке застит след?

Ах, размыкушке-гармонике
Поиграть не долог срок!..
Придорожную калинушку
Топчут пеший и ездок.

<1912>

* * *

Пушистые, теплые тучи,
Над плесом соловая марь.
За гатью, где сумрак дремучий,
Трезвонит Лесной Пономарь.

Плывут вечевые отгулы...
И чудится: витязей рать,
Развеся по ельнику тулы,
Во мхи залегла становать.

Осенняя явь Обонежья,
Как сказка, баюкает дух.
Чу, гул... Не душа ли медвежья
На темень расплакалась вслух?

Иль чует древесная сила,
Провидя судьбу наперед,
Что скоро железная жила
Ей хвойную ризу прошьет?

Зовут эту жилу Чугункой,—
С ней лихо и гибель во мгле...
Подъёлыш с ольховой лазункой
Таятся в родимом дупле.

Тайга — боговидящий инок,
Как в схиму, закуталась в марь.
Природы великий поминок
Вещает Лесной Пономарь.

<1913>

* * *

Растрепало солнце волосы —
Без кудрей, мол, я пригоже,
На продрогший луч и полосы
Стелет блёсткие рогожи.

То обшарит куст ракитовый,
То распляшется над речкой!..
У соседок не выпытывай:
Близко милый аль далечко.

За Онежскими порогами
Есть края, где избы — горы,
Где щетина труб с острогами
Застит росные просторы.

Там могилушка бескрестная
Безголосьем кости нежит,
И луна, как свечка местная,
По ночам над нею брезжит,

Привиденьем жуть железная,
Запахнувшись в саван, бродит,—
Не с того ль, моя болезная,
Солнце тучи хороводит?

Аль и солнышко отмыкало
Болесть нив и бездорожий
И земле в поминок выткало
Золоченые рогожи?

<1914>

ИЗБУ СТРОЯТ

I

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шеломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудянкой выпестрен конек.

По стене, как зернь, пройдут зарубки
Сукрест, лапки, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красной шубке
Явь и сон мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед ним щепа как письмена:
Запоет резная пава с крылец,
Брызнет ярь с наличника окна.

И когда очёсками кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красном древоделе
По лесам, на запад и восток.

2

Изба-богатырица,
Кокошник вырезной,
Оконце, как глазница,
Подвéдено сурьмой.

Кругом земля-землица
Лежит, пьяна дождем,
И бора-старичища
Подоблачный шелом.

Из-под шелома строго
Грозится туча-бровь...
К заветному порогу
Я припадаю вновь.

Седых веков наследство,
Поклон вам, труд и пот!
Чу, песню малолетства
Родимая поет:

«Спородила я сынка-богатыря
Под потокою на сиверке,
На холодном полузимнике,
Чтобы дитятко по матери пошло,
Не удушливато в летнее тепло,
Под морозами не зябкое,
На воде-луде не хлябкое!

Уж я вырастила сокола-сынка
За печным столбом на выводе,
Чтоб не выглядел Старик-журавик,
Не ударил бы черемушкой,
Не сдружил бы с горькой долюшкой!»

Между 1913 и 1915

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег.
Зарябило слезинками плёсо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,

Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берéстяный рай.

Между 1913 и 1915

* * *

Луговые потемки, омежки, стога,
На пригорке ракита — сохачьи рога,
Захлебнулась тальянка горючею мглой,
Голосит, как в поминок семья по родной:
«Та-ля-ля, та-ля-ля, ти-ли-ли.
Сенокосные зори прошли,
Август-дед, бородища снопом,
Подарил гармониста ружьем.
Эх-ма, старый, не грызла б печаль,
Да родимой сторонушки жаль.
Чует медное сердце мое,
Что погубит парнюгу ружье,
Что от пули ему умереть,
Мне ж поминные приплачки петь!..»
Луговые потемки как плат;
Будет с парня пригожий солдат,
Только стог-бородач да поля
Не услышат родного «та-ля»...

Медным плачем будя тишину,
Насулила тальянка войну.

<1915>

* * *

Льнянокудрых тучек бег —
Перед вёдреным закатом.
Детским телом пахнет снег,
Затененный пнем горбатым.

Луч — крестильный образок
На валежину повешен,

И ребячий голосок
За кустами безутешен.

Под березой зыбки скрип,
Ельник в маревных пеленках...
Кто родился иль погиб
В льнянокудрых сутемёнках?

И кому, склонясь, козу
Строит зорька-повитуха?..
«Поспрошай куму-лозу»,—
Шепчет пихта, как старуха.

И лоза, рядясь в кудель,
Тайну светлую открыла:
«На заранке я апрель
В снежной лужице крестила».

<1916>

ИЗ ЦИКЛА «ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ»

Памяти матери

1

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича, бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером ссыпал медяки.)

Четыре вдовы в поминальных платках:
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках;
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как до́прежь, сытовые хлебы пекла.

Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на погост,
Хрущатой рядниной покрыли скамью,
На одр положили родитель мою.

Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашепталася теней гурьба,

В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке платок...
Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:

«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы,—
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с ендовы расписной
Их поит живой иорданской водой!..»

Зарделось оконце... Закат-золотарь
Шасть в избу незваный: принес-де стихарь —
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ ввечеру,
А вынос блюсти я с собой приведу
Сутёмки, зарянку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть и гать
Велю золотые ширинки постлать.

2

От сутёмок до звезд и от звезд до зари
Бель бересты, зыбь хвой и смолы янтари,

Перекличка гагар, вод дремучая дремь,
И в избе, как в дупле, рудо-пегая темь,

От ловушек и шкур лисий та́ежный дух,
За оконцем туман, словно гагачий пух,

Журавлиный пролет, ропот ливня вдали,
Над поморьем лесов облаков корабли,

Над избою кресты благосенных вершин...
Спят в земле дед и мать, я в потемках один.

Чую, сеть на стене, самопрялка в углу,
Как совята с гнезда, загляделись во мглу.

Сиротеют в укладе шушун и платок,
И на отмели правит поминки челнок,

Ель гнусавит псалом: «Яко воск от огня...» —
Далеко до лесного железного дня,

Когда бор, как кольчужник, доспехом гремит —
Королевну-Зарю полонить норовит.

3

Коврига свежа и духмяна,
Как росная пожня в лесу,
Пушист у кормилицы мякиш
И бел, как берёсто, испод.

Она — избяное светило,
Лучистее детских кудрей,
В чулан загляни ненароком —
В лицо тебе солнцем пахнёт.

И в час, когда сумерки вяжут,
Как бабка, косматый чулок,
И хочется маленькой Маше
Сытового хлебца поесть —

В ржаном золотистом сиянье
Коврига лежит на столе,
Ножу лепеча: «Я готова
Себя на закланье принесть».

Кусок у малютки в подоле —
В затоне рыбачий карбас:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызены днище и руль, —

Но светлая радость спасенья,
Прибрежная тишь после бурь
Зареют в ребяческих глазках,
Как вёдреный, синий июль.

Между 1914 и 1916

ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ И ЖЕЛЕЗО»

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полузвук,
Он каплей и цветком уловится, как стук,—
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.

Потемки с топором и правнук ночи — сыч
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд,
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роще струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоет,
Дитя, как злак росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.

В бору, где каждый сук — моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуньи могил,—
Там, отроку-цветку лобзание даря,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!

1916

* * *

О ели, родимые ели,—
Раздумий и ран колыбели,
Пир брачный и памятник мой,
На вашей коре отпечатки,
От губ моих жизней зачатки,
Стихов недомысленный рой.

Вы грели меня и питали,
И клятвой великой связали —
Любить Тишину-Богомать.
Я верен лесному обету,
Баюкаю сердце: не сетуй,
Что жизнь — как болотная гать,

Что умерли юность и мама,
И ветер расхлябанной рамой,
Как гроб забивают, стучит,
Что скуден заплаканный ужин,
И стих мой под бурей простужен,
Как осенью листья ракит,—

В нем сизо-багряные жилки
Запекшейся крови,— подпилки
И критик ее не сотрут.
Пусть давят томов Гималаи —
Ракиты рыдают о рае,
Где вечен листвы изумруд.

Пусть стол мой и лавка-кривуша —
Умершего дерева души —
Не видят ни гостя, ни чаш,—
Об Индии в русской светелке,
Где все разноверья и толки,
Поет, как струна, карандаш.

Там юных вселенных зачатки —
Лобзаний моих отпечатки —
Предстанут, как сонмы богов.
И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.

1916 или 1917

ИЗ ЦИКЛА «ПОЭТУ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ»

Бумажный ад поглотит вас
С чернильным черным сатаною,
И бесы: Буки, Веди, Аз
Согнут построчников фитою.

До воскрешающей трубы
На вас падут, как кляксы, беды,
И промокательной судьбы
Не избежат бумагоеды.

Заместо славы будет смерть
Их костяною рифмой тешить,
На клякс-папировую жердь
Насадят лавровые плеши.

Построчный пламень во сто крат
Горючей жупела и серы.
Но книжный червь, чернильный ад
Не для певцов любви и веры.

Не для тебя, мой василек,
Смола терцин, устава клещи,
Ржаной колдующий восток
Тебе открыл земные вещи:

«Заря-котенок моет рот,
На сердце теплится лампадка»,
Что мы с тобою не народ—
Одна бумажная нападка.

Мы, как Саул, искать ослиц
Пошли в родные буераки
И набрели на блеск столиц,
На ад, пылающий во мраке.

И вот, окольною тропой,
Идем с уздой и кличем: сивка!
Поют хрустальною трубой
Во мне хвоя, в тебе наливка—

Тот душегубный варенец,
Что даль рязанская сварила.
Ты — Коловратов кладенец,
Я — бора пасмурная сила.

Таран бумажный нипочем
Для адамантовой кольчуги...
О, только б странствовать вдвоем,
От Соловков и до Калуги.

Через моздокский синь-туман,
На ржанье сивки, скрип косули!..
Но есть полынный, злой дурман
В степном жалеечном Июле.

Он за курганами звенит
И по-русалочьи мурлычет:
«Будь одиноким, как зенит,
Пускай тебя ничто не кличет».

Ты отдалился от меня
За ковыли, глухие лужи...
По ржанью певчего коня
Душа курганная недужит.

И знаю я, мой горбунок
В сосновой лысине у взморья;
Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.

Он возгремит, как божья рать,
Готовя ворогу расплату,
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.

1916 или 1917

* * *

Плач дитяти через поле и реку́,
Петушиный крик, как боль, за версты,
И паучью поступь, как тоску,
Слышу я сквозь наросты коросты.

Острупела мать сыра земля,
Загноились ландыши и арфы,
Нет Марии и вифанской Марфы
Отряхнуть пушинки с ковыля,—

Чтоб постлать Возлюбленному ложе,
Пыльный луч лозою затенить.
Распростерлось небо рваной кожей,—
Где ж игла и штопальная нить?

Род людской и шила недомыслил,
Чтоб заплатать бездну или ночь;
Он песчинки по Сахарам числил,
До цветистых выдумок охоч.

Но цветы, как время, облетели.
Пляшет сталь, и рыкает чугун.
И на дымно-закоптелой ели
Оглушенный плачет Гамаюн.

1916 или 1917

* * *

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,

Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку»,—
Гремел мой прадед Аввакум.

Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий,
Не знаю я, где орлий путь.

Поет мне Сирин издалеча:
«Люби, и звезды над тобой

Заполыхают красным вечем,
Где сердце — колокол живой».

Набат сердечный чует Пушкин —
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоновые макушки,
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи-пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь торфяников.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.

1916 или 1917

* * *

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные кудри!
Славяно-персидская природа
Взрастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце Ослепительного века,
Не забудь праздника великой коммуны!..
В чертоге и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О, солнце, — скажи!..
В багряном заводе и в красных казармах
Роятся созвучья-стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запрячь в корабли...
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети
В пурпурный Октябрь повернули рули.

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить,—
Суровая пряха — бессмертных судьбина
Вручает лишь солнцу горящую нить.

1918

* * *

Владимиру Кириллову

Мы — ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы — чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.

Мы — огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные.

Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово,—
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.

У подножья кости бранные,
Черепа с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?

На святыни пролетарские,
Гнезда вить, слетелись филины;
Орды книжные, татарские
Шестернею не осилены.

Кнут и кивер аракчеевский,
Как в былом, на троне буквенном.
Сон Кольцовский, терем Меевский
Утонули в море клюквенном.

Ваша кровь водой разбавлена
Из источника бумажного,
И змея не обезглавлена
Песней витязя отважного.

Мы — ржаные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.

Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинные...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные.

Воск, с медынью яблоновою,—
Адамант в словостроении,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.

1918

ИЗ ЦИКЛА «ЛЕНИН»

Я — посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву,—
Малиновой Китежской медью
Скупаю родную молву.

Китеж, Тайна, Финифтяный рай,
И меж них ураганное слово,—
Ленин — кедрово-та́ежный май,
Где и солнце, как воин, сурово.

Это слово кровями купить,
Чтоб оно обернулось павлином...
Я — посол от медведя, он хочет любить,
Стать со Львом песнозвучьем единым.

1918

* * *

В заборной щели солнышка кусок—
Стихов веретено, влюбленности исток
И мертвых кашек в воздухе дымок...
Оранжевый Сентябрь плетет земле венок.

Предзимняя душа, как тундровый олень,
Стремится к полюсу, где льдов седая лень,
Где ледовитый дуб возносит сполох-сень
И эскимоска-ночь укачивает день.

В моржовой зыбке светлое дитя
До мамушки-зари прижухнуло, грустя...
Позёмок-дед, ягельником хрустя,
За чумом бродит, ежась и кряхтя.

Душа-олень летит в алмаз и лед,
Где время с гарпуном, миров стерляжий ход,
Чтобы закли́кать май, гусиный перелет,
И в поле, как стихи, суслонный хоровод.

В заборной щели солнечный глазок
Глядит в овраг души, где слезка-ручеек
Звенит украдкою меж галек — серых строк,
Что умерла любовь и нежный май истек.

<1919>

* * *

Огонь и розы на знаменах,
На ружьях маковый багрец,
В красноармейских эшелонах
Не счесть пылающих сердец!

Шиповник алый на шинелях,
В единоборстве рождена,
Цветет в кумачневых метелях
Багрянородная весна.

За вороньем погоню правя,
Парят коммуны ястреба...
О нумидийской знойной славе
Гремит пурговая труба.

Египет в снежном городишке,
В броневиках — слоновый бой...
Не уживется в душной книжке
Молотобойных песен рой.

Ура! Да здравствует коммуна!
(Строка — орлиный перелет.)
Припал к пурпуровым лагунам
Родной возжаждавший народ.

Не потому ль багрец и розы
Заполовели на штыках,
И с нумидийским тигром козы
Резвятся в яростных стихах!

<1919>

* * *

Презреть колыбельного Бога,
Жизнедательный, отчий крест...
Повернула душа-дорога
От родных, назаретских мест.

Позабыта матери пряжа,
Отцовский мудрый верстак,
Винтовка — моя поклажа —
С Возмездьем железный брак.

Я распят на Гималаях,
На Урале, на Машуке...
В вороньих, свирепых граях
Узнаю Россию в тоске.

Россия — не светлая пава,
А ворон — железный нос —
Клюет кремнистую лаву
Из сукровицы и слез.

Под жаркой лавой Помпея,
Триклиниумы, сады...
Коварней древнего змея
Русалочья песня беды:

«Оставь подругу-винтовку
Для будней — смазливых баб...»
Сплетает из тьмы веревку
Вечер — лукавый раб.

И ночь — гробов сторожиха
Обходит лагерь бойцов.

Цветет беленою лихо
На свалке тряпичных слов.

Их ловят пером писаки
Крикливых, нищих Фелиц...
Пылайте, напевы-маки,
На грядке павьих страниц!

1919

* * *

На заво́дских задворках, где угольный ад,
Одуванчик взрастает звездистою слезкой:
Неподвластен турбине незримый царьград,
Что звенит жаворо́нком и зябликом-тезкой.

Пусть плакаты горланят: «Падите во прах
Перед углем чумазым, прожорливой домной»,—
Воспарит моя песня на струнных крылах
В позапечную высь, где Фавор беспотемный,

Где отцовская дума — цветенье седин,
Мозг ковриги и скатерти девьи персты...
Не размыкать сейсмографу русских кручин,
Гамаюнов — рыдающих птиц красоты.

И вотще брат-железо березку корит,
Что, как песня, она с топором не дружна...
Глядь, в бадейке с опарою плещется кит,
В капле пота дельфином ныряет луна,

Заливаются иволги в бабьем чепце
(Есть свирели в парче, плеск волны — в жемчугах)!
Это Русь загрустила о сыне-певце,
О бизоньих вигвамах на вятских лугах.

Стих — черпак на родной соловецкой барже,
Где премудрость глубин, торжество парусов...
Я в историю въеду на звонном морже
С пододонною свитой словесных китов!

1919 или 1920

* * *

Я знаю, родятся песни —
Телки у пегих лосих,
И не будут звезды чудесней,
Чем Россия и вятский стих!

Города Изюмец, Чернигов
В словозвучьи сладость таят...
Пусть в стихе запылает Выгов,
Расцветет хороводный сад.

По заставкам Волга, Онега
С парусами, с дымом костров!..
За морями стучит телега,
Беспощадных мча седоков.

Черный уголь, кудесный радий,
Пар-возница, гулёха-сталь
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать изюм и миндаль,

Чтобы радужного Рублева
Усадить за хитрый букварь...
На столетье замкнется снова
С драгоценной поклажей ларь.

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительных вещих строк.

Захлестнет певучая пена
Холмогорье и Целебей,
Решетом наловится Вена
Серебристых слов-карасей!

Я взгляну могильной березкой
На безбрежье песенных нив,
Благовонной зеленой слезкой
Безымянный прах окропив.

<1920, 1924>

* * *

Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!

Я скоротал все проселки,
Придорожные пни и камни...
У горничной в плоёной наколке
Боязливо спрошу: «Куда мне?»

В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картины русалки.

За стеною Кто и Незнаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Древо печное.

Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое бездонное слово
Канут моря и реки.

Домовину оплачет баба,
Назовет кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый,
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы...

Ноябрь или декабрь 1921

КОРАБЕЛЬЩИКИ

Мы, корабельщики-поэты,
В водовороты влюблены,
Стремим на шквалы и кометы
Неукротимые челны.

И у руля, презрев пучины,
Мы атлантическим стихом
Перед избушкой две рябины
За вьюгою не воспоем.

Что́ романтические ямбы—
Осиный гуд бумажных сот,
Когда у крепкогрудой дамбы
Орет к отплытью пароход!

Познав веселье парохода
Баюкать песни и тюки,
Мы жаждем львиного приплода
От поэтической строки.

Напевный лев (он в чревной хмаре)
Взревет с пылающих страниц—
О том, как русский пролетарий
Взнуздал багряных кобылиц,

Как убаюкал на ладони
Грозовый Ленин боль земли,
Чтоб ослепительные кони
Луга беззимние нашли,—

Там, как стихи, павлиноцветы,
Гремучий лютик, звездный зев...
Мы — китобойцы и поэты—
Взбурлили парусом напев.

И, вея кедром, росным пухом
На скрип словесного руля,
Поводит мамонтовым ухом
Недоуменная земля!

<1926>

ИЗ ПОЭМЫ «ПЛАЧ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ»

Забудет ли пахарь гумно,
Луна — избяное окно,
Медовую кашку пчела
И белка кладовку дупла?

Разлюбит ли сердце мое
Лесную любовь и жилье,
Когда, словно ландыш в струи,
Гляделся ты в песни мои?

И слушала бабка Рязань,
В малиновой шапке Кубань,
Как их дорогое дитя
Запело, о небе грустя.

Напрасно Афон и Саров
Текли половодьем из слов,
И ангел улыбок крылом
Кропил над печальным цветком.

Мой ландыш березкой возник,—
Берестяный звонок язык,
Сорокой в зеленых кудрях
Уселись удача и страх.

В те годы Московская Русь
Скидала державную гнусь,
И тщетно Иван-золотой
Царь-колокол нудил пятой.

Когда же из мглы и цепей
Встал город на страже полей,
Подпаском, с волынкой щегла,
К собрату березка пришла.

На гостью ученый набрел,
Дивился на шитый подол,
Поведал, что пухом Христос
В кунсткамерной банке оброс.

Из всех подворотен шел гам:
Иди, песноликая, к нам!
А стая поджарых газет
Скулила: кулацкий поэт!

Куда ни стучался пастух—
Повсюду урчание брюх,
Всех яростней в огненный мрак
Раскрыл свои двери кабак.

1926

ИЗ ПОЭМЫ
«ПЕСНЬ О ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ»

Эти гусли — глубь Онега,
Плеск волны Палеостровской,
В час, как лунная телега
С грузом жемчуга и воска
Проезжает зыбью лоской,
И томит лесная нега
Ель с карельскою березкой.
Эти притчи — в день Купалы
Звон на Ки́жах многоглавых,
Где в горящих покрывалах,
В заревых и рыбьих славах
Плещут ангелы крылами.

Эти тайны — парусами
Убаюкивал шелоник,
В келье кожаный часовник,
Как совят в дупле смолистом,
Их кормил душистой взяткой
От берестяной лампадки
Перед образом пречистым.

Эти вести — рыбья стая,
Что плывет, резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь из Водлы,
Лещ с Мегры, где ставят мёрды,
Бок изодран в лютой драке
За лазурную плотицу,
Но испить до дна не всякий
Может глыбкую страницу.
Кто пречист и слухом золот,
Злым безверьем не расколот,
Как береза острым клином,
И кто жребием единым
Связан с родиной-вдовицей,
Тот слезами на странице
Выжжет крест неопалимый
И, таинственно водимый

По тропинкам междустрочий,
Красоте заглянет в очи—
Светлой девушке с Поморья.

Броженица ли воронья—
На снегу вороньи лапки,
Или трав лесных охапки,
На песке реки таежной
След от крохотных лапо́тцев—
Хитрый волок соболиный—
Нудят сердце болью нежной,
Как слюду в резном оконце,
Разузорить стих сурьмою,
Куманикой и малиной,
Чтоб под крышкой гробовою
Улыбнулись дед и мама,
Что возлюбленное чадо,
Лебеденок их рожоный,
Из железного полона
Черных истин, злого срама,
Светит тихою лампадой,—
Светит их крестам, криницам,
Домовищам и колодам!..

Нет прекраснее народа,
У которого в глазницах,
Бороздя раздумий воды,
Лебедей плывет станица!

Нет премудрее народа,
У которого межбровье—
Голубых лосей зимовье,
Бор незнаемый кедровый,
Где надменным нет прохода
В наговорный терем слова!—
Человеческого рода,
Струн и крыльев там истоки...
Но допрядены, знать, сроки,
Все пророчества сбылися,
И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!

Ах, обо́жжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замутит!

Ах, заколот вещий лебедь
На обед вороньей стае,
И хвостом ослиным в небе
Дьявол звезды выметает!

*

А жили по звездам, где Белое море,
В ладонях избы, на лесном косогоре.
В бору же кукушка, всех сказок залог,
Серебряным клювом клевала горох.
Олень изумрудный с крестом меж рогов
Пил кедровый сбитень и марево мхов,
И матка сорочья — сорока сорок
Крылом раздувала заклятый грудок.
То плящий костер из глазастых перстней
С бурмитским зерном, чтоб жилось веселей.
Чтоб в нижнем селе пахло сатой мучной,
А в горней светелке проталой вербой,
Сурмленым письмом на листах Цветника,
Где тень от ресниц, как душа, глубока!
Ах, звезды Поморья, двенадцатый век
Вас черпал иконой обильнее рек:
Полнеба глядится в речное окно,
Но только в иконе лазурное дно.

Юфотных святынь, как на отмели гаг,
Чуланных, овинных, что брезжат впотьмах,
Скоромных и постных, на сок, на улов,
Сверчку за лежанку, в сундук от жуков,
На сшив парусов, на постройку ладьи,
На выбор мирской старшины и судьи —
На все откликалась блаженная злать.
Сажали судью, как бобриху на гать,
И отроком Митей (вдомек ли уму?)
«Заклания» образ — вручался ему.
Потом старики, чтобы суд был легóк,
Несли старшине жемчугов кузовок,
От рыбных же весей пекли косовик,
С молоками шаньги, а девичий лик
Морошковой брагой в черпугах резных
Честил поморян и бояр волостных.

Ах, звезды Помория, сладостно вас
Ловить по излучинам дружеских глаз

Мережею губ, языка гарпуном,
И вдруг разрыдаться с любимым вдвоем!
Ах, лебедь небесный, лазоревый крин,
В Архангельских дебрях у синих долин!
Бревенчатый сон предстает наяву:
Я вижу над кедрами храма главу,
Она разузорена в лемех и слань,
Цветет в сутемёнки, пылает в зарань,—
С товарищи мастер Аким Зяблецов
Воздвигли акафист из рудых столпов,
И тепля ущербы — Христова рука
Крестом увенчала труды мужика.

Три тысячи сосен — печальных сестер
Рядил в аксамиты и пестовал бор:
Пустынные девы всегда под фатой,
Зимой в горностаях, в убрусах весной,
С кудрявым Купалой единожды в год
Водили в тайге золотой хоровод
И вновь засыпали в смолистых фатах.
Линяла куница, олень на рогах
Отметиной пегой зазимки вершил,
Вдруг Сирина голос провеял в тиши:
«Лесные невесты, готовьтесь к венцу,
Красе ненаглядной и саван к лицу!
Отозван Владыкой дубрав херувим,—
Идут мужики, с ними мастер Аким;
Из ваших телес богородице в дар
Смиренные руки построят стожар,
И многие годы на страх сатане
Вы будете плакать и петь в тишине!
Руда ваших ран, малый паз и сучец
Увидят Руси осиянный конец,
Чтоб снова в нездешнем безбольном краю
Найти лебединую радость свою!»

И только замолкла свирель бирюча,
На каждой сосне воссияла свеча.
Древесные руки скрестив над фатой,
Прощалась сестрица с любимой сестрой.

Готовьтесь, невесты, идут женихи!..
Вместят ли сказанье глухие стихи?
Успение леса поведает тот,

Кто слово, как жемчуг, со дна достает.
Меж тем мужики, отложив топоры,
Склонили колени у мхов и коры
И крепко молились, прося у лесов
Укладистых матиц, кокор и столпов.
Поднялся Аким и топор окрестил:
«Ну, братцы, радейте, сколь пота и сил!»
Три тысячи бревен скатились с бугра
В речную излуку — котел серебра:
Плывите, родные, укажет Христос
Нагорье иль поле, где ставить погост!
И видел Аким, как лучом впереди
Плыл лебедь янтарный с крестом на груди.
Где устье полого и сизы холмы,
Пристал караван в час предутренней тьмы,
И кормчая птица златистым крылом
Отцам указала на кедровый холм.
Церковное место на диво красно:
На утро — алтарь, а на полдень — окно,
На Запад врата, чтобы люди из мглы,
Испив купины, уходили светлы.
Николин придел — бревна рублены в крюк,
Чтоб капали вздохи и тонок был звук.
Егорью же строят сусеком придел,
Чтоб конь-змееборец испил и поел...
Всепетая в недрах соборных живет, —
Над ней парусами бревенчатый свод,
И кровля шатром — восемь пламенных крыл,
Развеянных долу дыханием сил.

С товарищи мастер Аким Зяблецов
Учились у кедров порядку венцов,
А рубке у капли, что камень долбит,
Узорности ж крылец у белых ракит:
Когда над рекою плывет синева,
И вербы плетут из нее кружева,
Кувшинами крылец стволы их глядят,
И легкою кровлей кокошников скат.
С товарищи мастер предвидный Аким
Срубили акафист и слышен и зрим,
Чтоб многие годы на страх сатане
Саронская роза цвела в тишине.

Поется: «Украшенный вижу чертог», —
Таков и «Покров у Лебяжьих дорог»;

Наружу — кузнечного дела врата,
Притвором — калик перехожих места,
Вторые врата серебрятся слюдой,
Как плёсо, где стая лещей под водой.
Соборная клеть — восковое дупло,
Здесь горлицам-душам добро и тепло,—
Столпов осетры на резных плавниках
Взыграли горé, где молчания страх.
Там белке пушистой и глуби озер
Печальница твари виет омофор.
В пергаментных святцах есть лист выходной,
Цветя живописной поблекшей строкой:
Творение рая, Индикт, Шестоднев,
Писал, дескать, Гурий — изограф царев.
Хоть титла не в лад, но не ложна строка,
Что Русь украшала сновидца рука.

1929 или 1930

* * *

Старикам донашивать кафтаны —
Сизые над озером туманы,
Лаптевязный подорожный скрип...
Нет по избам девушек-улыб,
Томных рук и кос в рублях татарских;
Отсияли в горницах боярских
Голубые девичьи светцы.
Нижет страстотерпные венцы
Листопад по Вятке, по Кареле,—
Камень-зель, оникс и хризолит...
Забодали Мономахов щит
Туры в белозубые метели,—
Он в лохмóтах бархат, ал и рыт.
Вороном уселся, злобно сыт,
На ракиту ветер подорожный,
И мужик бездомный и безбожный
В пустополье матом голосит:
— Пропадай, моя телега, растакая бабка-мать!
Где же ты, невеста — павья стать,
В аравийских пáволоках дева?
Старикам отжинки да посевы,
Глаз поречья и бород туман.
Нет по избам девушек-Светлан,—

Серый волк живой воды не сыщет.
Теремное светлое кладбище
Загляделось в медный океан.
Узорóчье, бусы, скрыни, прялки...
Но в тюки увязаны русалки,
Дед-мороз и святки с колядой:
Им очнуться пестрою гурьбой,
Содрогаясь, в лавке антикварной.
Где же ты, малиновый, янтарный
Русский лебедь в чаше заревой?!
Старикам донашивать кафтаны,
Нам же рай смертельный и желанный,
Где проказа пляшет со змеей!

Между 1929 и 1932

* * *

Ночной комар — далекий звон,
На Светлояре белый сон,
От пугал темени заслон,
И от кладбищенских ворон
Мечте, как лебедю, затон:
Дон-дон!

Дуб — ухо, и сосна другое,
Одно — листы, сосед же — хвои
Роняют в ночи глубину,
И по ее пустому дну
Влачат зеленые лохмотья.

Не бездне ли вручаю плоть я,
А разум звездам — палым розам,
Что за окном чумацким возом
Пристали, осью верезжа?
То в зале сердца вальс забытый!
Я к сорока, как визг ножа,
Познал словесного ежа,
Как знал в младенчестве ракиты.
Культура — вечная вдова,
Супруг покоится в Мемфисе...
Оскалом тигра, хваткой рыси
Цветут дикарские слова
И таборною головней
Грозят пришелице ночной:

Уйди, колдунья! У-гу-гу!
Подсела ближе к очагу,
И пальцы синие в опалах
Костра лесного лижут жала —
Ляс, ляс!.. Плю, плю!..
Ужель вдовицу полюблю
Я — первоцвет из Костромы,
Румяный Лель, — исчадье тьмы?
Уйди, старуха!.. Злой комар
В моем мозгу раздул пожар:
Горю, товарищи, горю!
И ненавижу и люблю
Затоны лунные — опалы,
Где муза крылья искупала,
Лебяжьи, с сы́ченой капелью,
С речным разливом по апрелю,
С малиновым калуцким словом,
И с соловьем в кусту ольховым!
Прости, родимое, прости!
Я с новым посохом в пути,
Змеиным, в яростных опалах,
И в каплях крови черно-алых,
Иду в неведомые залы,
Где легковейней опахала
Струится вальс — ночной комар
На биллион влюбленных пар!

1932

КЛЕВЕТНИКАМ ИСКУССТВА

Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,
Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы нé дали и пригоршни овса,
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья!
Ни волчья пасть, ни дыба, ни копылья
Не знали пытки вероломней, —

Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву,
Чтоб не цвела она золототканно
Утехой брачною республике желанной!
Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов,
С Есениным в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном,
В разлуке с песногривым скакуном,
И с молотьбой стиха свежее борозды
И непомернее смарагдовой звезды,
Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,
Рождая струнный плеск и вещих сказок рои!

Но у ретивого копыта
Недаром золотом облиты,
Он выпил сон каменоломный
И ржет на Каме, под Коломной
И на балтийских берегах!..
Овсянки, явственны ль в стихах
Вам соловьиные раскаты,
И пал ли Клюев бородатый,
Как дуб, перунами сраженный,
С дуплом, где Сирин огневейный
Клад стережет — бериллы, яхонт?..
И от тверских дубленых пахот,
С антютиком лесным под мышкой,
Клычков размыкал ли излишки
Своих стихов — еловых почек,
И выплакал ли зори-очи
До мертвых костяных прорех
На грай вороний — черный смех?!
Ахматова — жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный? —
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облачко сквозит

Вечерней проседью ракит!
Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, полукентавр,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шелк и перлы грудой,
Васильев, — омоль с Иртыша,
Он выбрал щуку и ерша
Себе в друзья, — на песню право,
Чтоб цвесть в поэзии купавой, —
Не с вами правнук Ермака!
На стук степного батожка,
На ржанье сосунка-кентавра
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став единорогом,
И по родным полынным логам
Жил гривы заревом, отгулами копыт!
Так нагадал осетр, и вспенил перлы кит!

Я гневаюсь на вас, гнусавые вороны,
Что ни свирель ручья, ни сосен перезвоны,
Ни молодость в кудрях, как речка в купыре,
Вас не баюкают в багряном октябре,
Когда кленовый лист лохмотьями огня
Летит с лесистых скал, кимвалами звеня,
И ветер-конь в дождливом чепраке
Взлетает на утес, вздыби́ться налегке,
Под молнии зурну копытом выбить пламя,
И вновь низринуться, чтобы клектать с орлами
Иль ржать над пропастью потоком пенногривым.
Я отвращаюсь вас, что вы не так красивы!
Что знамя гордое, где плещется заря,
От песен за́стите крылом нетопыря,
Крапивой полуслов, бурьяном междометий,
Не чуя пиршества столетий,
Как бороды моей певучую грозу, —
Базальтовый обвал — художника слезу
О лилии с полей Иерихона!..

Я содрогаюсь вас, убогие вороны,
Что серы вы, в стихе не лирохвосты,
Бумажные размножили погосты
И вывели ежей, улиток, саранчу!..
За будни львом на вас рычу
И за мои нежданные седины
Отмщаю тягой лебединой! —
Всё на восток, в шафран и медь,
В кораллы розы нумидийской,
Чтоб под ракитою российской
Коринфской арфой отзвенеть
И от Печенеги до Бийска
Завьюжить песенную цветь,
Где конь пасется диковинный,
Питаясь ягодой наливной,
Травой-улыбой, приворотом,
Что по фантазии болотам
И на сердечном глыбком дне
Звенят, как пчелы по весне!
Меж трав волшебных Анатолий —
Мой песноглаз, судьба-цветок,
Ему ковер индийских строк,
Рязанский лыковый уток,
С арабским бисером — до боли!
Чу! Ржет неистовый скакун
Прибоем слав о гребни дюн
Победно-трубных, как органы,
Где юность празднуют титаны!

1932

* * *

Мы старее стали на пятнадцать
Ржавых осеней, вороньих зим,
А давно ль мятелило в Нарым
Нашу юность от домашних пятниц?

Обнищали липы за окном!
На костыль оперся дряблый дом.
Мыши бы теперь да вьюга —
Вышла б философия досуга.

За годами грамотным я стал,
И бубню Верлена по-французски.
Только жаворонок белорусский
С легковейной ласточкой калужской
Перстнем стали, где смежил опал
Воды бледные у бледных скал.

Где же петухи на полотенцах,
Идолище-самовар?
«Ах, вы сени» обернулись в бар,
Жигули, лазурный Светлояр
Ходят, неприкаянные, в немцах!
А в решетчатых кленовых сенцах,
Как судьба, поет стальной комар.

Про него не будет послесловья,—
Есть комарье жало, боль и зуд,
Я не сталь, а хвойный изумруд,
Из березовой коры сосуд,
Налитый густой мужицкой кровью,
И, по пяди косы, Парасковью
На базар не вывожу, как плут!

Ах, она болезная, родная,
Ста пятидесяти мильонов мать,
Про нее не хватит рассказать
Ни степей моздокских, ни Китая.
Только травы северного мая
Знают девичью любовь и стать.

Я — Прасковьин сын, из всех любимый,
С лебединым выводком в зрачках,
С заячьей порошей в волосах,
Правлю первопуток в сталь и дымы,
Кто допрежде, принимайте Клима,
Я — Прасковьин сын, цветок озимый!

Голос мой — с купавой можжевель,
Я резной, мудреный журавель,
На заедку поклевал Верлена,
Мылил перья океанской пеной,
Подивись же на меня, Европа —
Я кошница с перлами Антропа!

Мы моложе стали на пятнадцать
Ярых осеней, каленых зим,
И румяным листопадом чтим
Деда снежного, глухой Нарым,
С вереницей внучек — серых пятниц!

1932

* * *

Чтоб пахну́ло розой от страниц
И стихотворенье садом стало,
Барабанной переклички мало,
Надо слышать клекоты орлиц,
В непролазных зарослях веприц —
На земле, которой не бывало.
До чудесного материка
Не доедешь на слепых колесах.
Лебединый хоровод на плесах,
Глубину и дрему тростника
Разгадай, где плещется строка,
Словно утро в розовых прокосах.
Я люблю малиновый падун,
Листопад горящий и горючий,
Оттого стихи мои как тучи
С отдаленным громом теплых струн.
Так во сне рыдает Гамаюн —
Что забытым туром бард могучий.
Простираясь розой подышать,
Сердце, как малиновка в тенетах,
Словно сад в осенних позолотах
Ро́нит давнее, как листья в гать.
Роза же в неведомых болотах,
Как лисица редкая в охотах,
Под пером не хочет увядать.
Роза, роза! Суламифь! Елена!
Спят чернила заодно с котом,
Поселилась старость в милый дом,
В заводь лет не заплывет сирена,
Там гнилые водоросли, пена
Парусов, как строчек рваный ком.

Это тридцать лет словостроенья,
Плешь как отмель, борода — прибой,
Будет и последний китобой —
Встреча с розою — владычицей морской
Под тараны кораблекрушенья.
Вот тогда и расцветут страницы
Горным льном, наливами пшеницы,
Пихтовой просéкой и сторожкой.
Мой совенок, подожди немножко,
Гости близко: роза и луна,
Старомодно томна и бледна!

1932

* * *

Ночь со своднею-луной
Правят сплетни за стеной,
Будто я, поэт великий,
Заплетаю в строки лыки,
Скрип лаптей, угар корчаги,
Чтобы пахло от бумаги
Черемисиной, Рязанью,
Что дородную Маланью
Я лелею пуще муз,
Уж такой лабазный вкус
Красоту копить как сальце,
По-барсучьи жить в подвальце —
Мягкой, устланной норе
По колено в серебре,
В бисере по локотки;
Что Распутина силки
Ставлю я калачной Пресне,
За ухмылки да за песни
У меня бесенок в служках,
Позашиваны в подушках
Окаянные рубли!..
Вот так сусло развели
Темень и луна косая
Про лесного Миколая,
Про сосновый бубенец!..
Но клянусь, не жеребец
Унавозил мой напев! —
В нем живет пустынный лев
С водопадным вещим рыком,
Лебедь я, и шит не лыком,

Не корчажным вспоен суслом,—
Медом, золотом загуслым
Из ладони смугло-глыбкой!
Над моей ольховой зыбкой
Эта мреяла ладонь,
И фатой сестрица-сонь,
Утирая сладкий ротик,
Легкозвонной пчелкой в соте
Поселилась в мой язык.
За годами гуд и зык
Стали пасекой певучей.
Самоедине иль чукче
Я любовней поднесу
Ковш мой — лютую росу,
Из подземных ульев браги,
Чем поэтам из бумаги
С карнаухой Жучкой — лирой!
Я не серый и не сирый,
Не Маланьин и не Дарьин,—
Особливый тонкий барин,
В чьем цилиндре, строгом банте
Капюшоном веет Данте,
А в глазах, где синь метели,
Серебрится Марк Аврелий,
В перстне перл — Александрия,
В слове же опал — Россия!
Он играет — нежный камень,
Речкой, облачком, стихами,
И твоим, дитя, письмом,—
Голубым, лесным цветком!
В нем слезинок пригоршня...
Расцвела моя Опошня
(Есть село на Украине,
Все в цветистой жбанной глине),
Мой подвалец лесом стал,—
Вон в дупле горит опал! —
Сердце родины иль зыбка,
С чарою ладонью глыбкой
Смуглой няни — плат по щеки!..
За стеной молчат сороки,
Видно, лопнула луна,
Ночь от зависти черна,
Погоняя лист пролетний —
Подноготицу и сплетни!

1932

* * *

Моей чародейной современнице — славной русской артистке Надежде Андреевне Обуховой

Баюкало тебя райское древо
Птицей самоцветною — девой,
Ублажала ты песней царя Давида,
Он же гуслями вторил взрыдам,
Таково пресладостно пелось в роще,
Где ручей поцелуями ропщет,
Виноградье да яхонты-дули,
И проснулась ты в русском июле.
Что за края, лесная округа?
Отвечают: Рязань да Калуга!
Протерла ты глазыньки рукавом кисейным,
Видишь: яблоня в плату златовейном!
Поплакала с сестрицей, пожурилась
Да и пошла белицей на клирос.
Таяла, как свеченька, полыхая веждой,
И прослыла в людях Обуховой Надеждой.
А мы, холуи́, зенки пялим,
Не видим, что Сирин в бархатном зале,
Что сердце райское под белым тюлем
Обо́жжено грозо́вым июлем,
Лесными пожарами, гладом да мором,
Кручинится по синим небесным озерам —
То Любашей в «Царской невесте»,
То Марфой в огненном благовестьи.
А мы, холуи́, зенки пялим,
Не видим крыл в заревом опале,
Не слышим гуслей царя Давида
За дымом да слезами горькой панихиды.
Пропой нам, сестрица, кого погребаем
В Костромском да Рязанском крае?
И ответствует нам краса-Любаша:
Это русская долюшка наша, —
        Голова на коле,
        Косыньки в пекле,
        Перстенек на Хвалынском дне.
                                Аминь.

1933

* * *

Есть две страны; одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку,
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!»
«Будь проклят, полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла, в космы сосен
Вплетает вьюга седину»...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок,
Мелькая птицей чернокрылой,
Рождает ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читаю нити: «Н. А. Клюев,—
Певец олонецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшине розы,
И сам ты — мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские обозы
В далекой бренной стороне.

К ним нет возвратного проселка,
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка,—
За ними с лютней серафим!»

«Приди, дитя мое, приди!» —
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимéй!»

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розаны в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

<1937>

СОДЕРЖАНИЕ

Николай КЛЮЕВ

ЗАВЕЩАНИЕ

Составитель С. И. СУББОТИН

Редактор С. С. Лесневский

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 15.03.88. Подписано к печати 6.05.88. Формат 70×108[1]/32. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Учетно-изд. л. 3,01. Тираж 150000 экз. Зак. № 2132. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.

Индекс 70668

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ 1982 ГОДА

● Вы можете стать обладателем денежного выигрыша от 100 до 10 000 рублей, если приобретете облигации Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года.

● Облигации займа выпущены достоинством в 100, 50 и 25 рублей. Они свободно продаются и покупаются всеми отделениями и филиалами Сберегательного банка СССР.

● Владелец выигрыша в 10 000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 рублей — автомобиля другой марки классом ниже (разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрышей доплачивается владельцем выигравшей облигации).

Российский республиканский банк Сберегательного банка СССР